

От Цзянье до Юйцзячжуана было больше семидесяти ли. Даже на хорошем коне, не жалея сил, дорога занимала почти два часа. Лу Шэн ехал по государственному тракту и добрался до деревни уже на закате. Солнце опустилось за западные горы, небо быстро темнело. Зимой сумерки приходили рано — уже минул час Петуха. Свет отступал, тьма нарастала, инь и ян сменяли друг друга. Именно это время мастера тайных искусств называли «часом встречи с демонами»: считалось, что тогда нечисть выходит наружу и становится особенно свирепой. Жители Юйцзячжуана выращивали тутовник и разводили шелкопрядов. Стояла глубокая зима. С ветвей давно опали все листья. Междурядья покрывала белая изморозь. В поле среди стогов соломы лежали два неподвижных тела.

В сгущающейся темноте можно было различить лишь то, что это двое крестьян. Над полем плыл печальный цинь. Лу Шэн сразу узнал мелодию. Снова «Упокоение души». Межи были слишком узкими, земля мягкой, поэтому верхом проехать оказалось трудно. Лу Шэн спешился и пошёл пешком.

Вскоре у ручья увидел монаха. Яое сидел на камне, положив длинный цинь на колени. Его пальцы скользили по струнам, то поддевая, то проводя, то мягко надавливая. Жесты напоминали руку Будды, держащую цветок. В холодной темноте они словно излучали свет. Лу Шэн остановился за его спиной, положив ладонь на рукоять меча.

— Яое. Зачем ты пришёл в Юйцзячжуан?

Монах продолжал играть. Среди чистых звуков циня раздался неторопливый смешок:

— Зачем господину гунцао спрашивать то, что он и так прекрасно знает?

Лу Шэн вспомнил бой на Шилипо. Мастерство Яое было поразительным. Он напрягся всем телом.

— Яое, хватит множить убийства. Пойдём со мной...

Дзэн!

Последний звук циня ещё не успел стихнуть, как его перекрыл звон клинка, похожий на драконий рёв. Яое резко поднялся. Из корпуса старинного циня он одним движением вытащил четырёхфутовый меч.

В тот же миг его фигура превратилась в призрачную тень. Несколько ударов подряд обрушились на Лу Шэна. Тот был готов и сразу обнажил меч. Но скорость Яое всё равно превзошла ожидания. Звенящие удары металла резали слух. Первый. Второй. Третий. Лу Шэн отбил пять атак. Шестую остановить уже не смог. На лице монаха появилась улыбка. Длинный клинок выстрелил вперёд и насквозь пробил левое плечо Лу Шэна. Яое тут же шагнул вперёд, обеими руками крепко удерживая рукоять. Он вложил в движение всю силу. Необычно длинный меч прошёл сквозь плоть с отвратительным шорохом, словно рвал шёлк. Лицо Лу

Шэна стало белым. Стиснув зубы, он отступал шаг за шагом, но Яое не давал передышки. Наконец спина Лу Шэна с силой ударилась о толстый ствол тутового дерева.

Остриё вошло в древесину почти на пол-чи. Только тогда движение остановилось. В этот самый момент подброшенный прежде цинь наконец опустился. Яое свободной рукой поймал его, бережно убрал в чехол и положил в траву у ручья. А Лу Шэн остался буквально приколот к дереву. Кровь хлынула из плеча и быстро пропитала половину одежды. До рукояти собственного меча он не дотягивался. Пришлось сложить обе ладони вокруг лезвия и понемногу вытаскивать клинок из тела. Сталь скользила по мясу. Боль была такой, что темнело в глазах. Но Яое уже вернулся. Он взял меч за рукоять и одним лёгким движением выдернул его.

— Господин Лу, раз уж вы пришли, прошу стать свидетелем для этого бедного монаха.

Силы покинули Лу Шэна. Он медленно сполз по стволу на землю, крепко зажимая рану ладонью.

— Свидетелем того, как ты убиваешь людей? Даже если придётся умереть, я не позволю тебе снова проливать кровь.

Яое искренне удивился.

— Господин неправильно понял. Этот бедный монах всегда строго соблюдал наставления Будды. Никогда не создавал кармы убийства, не грешил дурной речью, ежедневно совершенствовал себя и ни на день не забывал учение.

Он говорил так спокойно. Красивое лицо, высокий нос, глубокие глаза, выражение чистое, как лотос. В этот момент Яое действительно напоминал просветлённого монаха. Никакой свирепости убийцы. Лу Шэн невольно заколебался. Даже боль будто немного притупилась.

— Разве ты пришёл не за Юй Цуйлянь?

— Именно за ней.

— Но не чтобы убить?

— Разумеется, нет. Этот бедный монах пришёл спасти её.

Брови Лу Шэна сошлись.

— Каким образом?

Яое сложил ладони.

— Мир людей нечист. Повсюду асуры. Лишь переправив душу в Чистую Землю Блаженства, можно привести её к истинному плоду.

От ярости у Лу Шэна перехватило грудь. Плечо жгло огнём. Он выдавил:

— Подмена слов... Убийство остаётся убийством. Убивать ради спасения — лишь самообман и попытка прикрыть злодеяние...

Холодное остриё внезапно оказалось прямо перед его глазами. Лу Шэн тут же разумно замолчал. В спокойном лице Яое впервые проступила злоба.

— Клевета на Будду — грех ещё тяжелее убийства. Если господин снова совершит грех лживой речи, этому бедному монаху придётся сначала переправить вас.

Лу Шэн едва не задохнулся от возмущения. Но спорить дальше было явно не время. Он замолчал, незаметно собирая силы. Пальцы медленно шарили по земле, пытаясь найти выпавший меч. Даже если придётся умереть — он всё равно попытается остановить Яое. И тут со стороны раздался ясный, чуть ленивый голос:

— У Будды есть три невозможности. Первая — он не может мгновенно уничтожить уже созревшую карму. Вторая — не может наставить того, с кем нет кармической связи. Третья — не может исчерпать безграничность всех живых существ.

Голос продолжил с откровенной насмешкой:

— Гунцао Лу не верит в духов и не понимает буддийского учения. Упрям, невежествен и туп. Даже если сам величайший Татхагата Лазуритового Сияния явится перед ним, спасти его не получится. Наставник Яое напрасно тратит силы.

Небольшая пауза.

— Если вы даже этого не понимаете, какой же «дикий чань» вы практикуете?

Лу Шэн горько усмехнулся. Этот странный молодой господин пришёл его спасти — но всё равно не забыл заодно обругать. После такого даже благодарить расхотелось. В сгущающейся ночи один из стогов соломы вдруг вспыхнул. Огонь взметнулся высоко, осветив пространство на несколько чжанов. Се Жун спускался по краю поля. Волосы были собраны наверх. Снаружи он носил белоснежный плащ из лисьего меха, а под ним — ярко-жёлтое боевое облачение. Золотая вышивка в свете пламени сияла, словно летнее солнце. В руке он лениво держал короткий чёрный меч — ни металл, ни дерево. Шёл так спокойно, словно прогуливался по собственному саду. Деревня неподалёку оставалась совершенно тёмной. Ни одного огонька.

Это всё сильнее тревожило Лу Шэна.

Однако из слов Яое следовало, что тот ещё не добрался до Юй Цуйлянь. Поэтому Лу Шэн сдержался. Воспользовавшись паузой, одной рукой достал пузырёк, зубами вытащил пробку и щедро засыпал рану порошком для остановки крови. Яое встретил появление Се Жуна как сильного врага. Обоиими руками он крепко держал длинный меч. Серебряный клинок отражал его холодные глаза.

— Я поклоняюсь своему Будде, ты следуешь своему Дао. Наши пути не пересекаются. Зачем господин снова и снова преследует меня?

Се Жун доброжелательно улыбнулся:

— Наставник говорит разумно. Просто верните меч законному владельцу. После этого кого хотите убивайте, кого хотите «спасайте». Этот молодой господин вмешиваться не станет.

Лу Шэн тут же нахмурился:

— Человеческая жизнь важнее всего! Господин Се, как можно не вмешиваться?..

Се Жун его будто не услышал. Он всё так же улыбался монаху. Просто стоял там — белый плащ, золотая одежда, стройная фигура. Словно золотое дерево расцвело белым нефритом. Безупречно благородный. Глаза Яое становились всё мрачнее.

— Меч Сюаньху мне подарил наставник. С каких пор он принадлежит вам?

Се Жун сказал:

— Яое. Перестань обманывать себя. Подумай как следует.

Яое на мгновение застыл. Затем внезапно взревел:

— Демоническое наваждение! Не пытайся меня обмануть!

Он сорвался с места и обрушил меч на Се Жуна. В поле больше не мешали деревья. Длинный клинок раскрыл всю свою силу. Один взмах — будто перед ним расступилась армия. Се Жун оказался рассечён пополам. Лу Шэн вскрикнул. Он схватил свой меч, попытался вскочить, но едва сделал шаг — колени подкосились. Он снова рухнул в траву. От боли лицо покрылось холодным потом, перед глазами поплыли тёмные пятна. Две половины белого лисьего плаща только теперь опустились на землю. А настоящий Се Жун уже превратился в золотую линию, пронзившую тьму. Короткий чёрный меч под коварным углом устремился в левый глаз Яое. Сам Се Жун всё так же спокойно говорил:

— Сюаньху действительно твой. Но осколок клинка Синтяня, спрятанный внутри, — древнее сокровище Центральных земель. К тебе, западному варвару, он никакого отношения не имеет.

Чёрный меч приблизился ещё на долю.

— Верни его по-хорошему. Не мешай собственному совершенствованию.

Яое закричал:

— Этот бедный монах уже сказал! Хочешь меч — сначала заberi мою жизнь!

Сюаньху был огромным и на вид тяжёлым, но в руках Яое двигался, словно ивовый лист. Чёрный клинок Се Жуна приближался к глазу. Обычный человек уже зажмурился бы. Яое даже не моргнул. Он резко повёл Сюаньху снизу вверх, метя в подреберье Се Жуна — слепую точку. Се Жун выглядел совершенно уверенно. Он просто поднял короткий меч для блока. И тут словно ударил гром. Металл столкнулся с оглушительным грохотом. Се Жуна отбросило на несколько шагов. Он удивлённо посмотрел на ладонь. Кожа между большим и указательным пальцами лопнула. Из раны поднималась чёрная ци. Се Жун нахмурился:

— Сколько же людей ты убил? Мстительный дух в мече стал намного сильнее.

Яое медленно улыбнулся. Но теперь в улыбке не осталось ни капли милосердия. Только холод и жажда крови.

— Мой Будда милосерден и спасает всех живых существ. Каждый, кто погибает от этого меча, получает возможность переродиться в Чистой Земле.

Он посмотрел на Се Жуна.

— Ты снова и снова вставал на пути этого бедного монаха. Я отвечу добром на зло — и тоже отправлю тебя в Блаженную Землю!

Не успели слова прозвучать, как Яое снова атаковал. Он оказался слишком близко, уклониться было невозможно. Се Жуну пришлось снова блокировать. Раздался чудовищный удар. На этот раз короткий меч вырвало из руки и отбросило далеко в темноту. Се Жун отступил на несколько чи. Снова нахмурился. Стало действительно неприятно. Яое увидел, что противник лишился оружия, и громко рассмеялся. Он был уже почти безумен. Длинный меч пронёсся над землёй, задел горящий стог. Искры и языки огня взметнулись к небу. Несколько огоньков упало прямо на голову и плечи Яое. Он словно не чувствовал боли. С ревом снова обрушил Сюаньху на Се Жуна. Изначально Се Жун по просьбе другого человека собирался лишь обезвредить монаха и выгнать из города.

Теперь становилось ясно: возможно, придётся убить. Он уже протянул руку к рукаву. Но сбоку

внезапно выскочила фигура.

— Безумный демонический монах! Этот молодой господин тебя не простит! Получай!

Два меча снова столкнулись. На этот раз — без грома. Без единого звука. Лу Шэн держал в руке тот самый чёрный короткий меч и уверенно блокировал Сюаньху. Се Жун удивился ещё сильнее.

— Ты... в порядке?

Лу Шэн раздражённо ответил:

— Нет! У меня плечо болит!

В следующую секунду Яое надавил всем весом. Лицо Лу Шэна побелело. Он рухнул на землю. Яое холодно бросил:

— Храбрость глупца.

И сразу нанёс следующий удар. Се Жун схватил Лу Шэна за ворот сзади и оттащил от клинка. Затем обхватил за пояс, крепко прижал к себе и поверх его ладони взялся за рукоять короткого меча. Задумчиво произнёс:

— А так получится.

Лу Шэн возмутился:

— Зачем ты меня обнимаешь? Отпусти!

Се Жун невозмутимо ответил:

— Вчера, когда ты обнимал меня, тоже не отпускал по первому требованию.

Яое уже снова наступал. Мечевой ветер окружил обоих. Каждый удар метил в смертельную точку. Се Жун удерживал правую руку Лу Шэна и направлял её. Блок. Ответный удар. Отвод. Выпад. Вдвоём они неожиданно сумели сражаться с Яое на равных. Лу Шэн быстро сообразил, что происходит. Он просто крепко держал оружие одной рукой, позволяя Се Жуну управлять движениями. Но всё же тел было два. При поворотах и переступаниях они немного мешали друг другу. После десятка обменов этот недостаток стал очевиден. Лу Шэна постоянно дёргали в разные стороны. Рана на левом плече снова разошлась. Кровь хлынула наружу. Шаг становился всё тяжелее. На самом деле, если бы Яое сейчас проигнорировал обоих и сразу

пошёл «спасать» Юй Цуйлянь, остановить его было бы почти некому.

Лу Шэн не поддавался странному воздействию Сюаньху, но уже истекал кровью и едва держался. Се Жун оставался опасным противником, но меч подавлял его силы. Однако Яое словно окончательно потерял разум. Он будто решил сначала во что бы то ни стало убить именно этих двоих. На теле уже было множество ран. Но бежать он не собирался. Наоборот — атаки становились яростнее. Удары сыпались, словно ливень. Бой зашёл в тупик. И тут за пределами круга сражения внезапно прозвучал незнакомый мужской голос. Он дрожал.

— Стойте... Б-брат...

<http://bllate.org/book/22499/2375498>